

Главное архивное управление города Москвы

ПАРТИЗАНЫ В БИТВЕ

ЗА МОСКВУ

1941-1942

Архивные документы и материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВАРХИВА МОСКВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПАТРИОТ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Правительства Москвы, Комитета общественных связей города Москвы

Утверждено Редакционным советом Главного архивного управления города Москвы

Председатель *В.А. Манькин*

Составители: кандидат исторических наук *М.М. Горинов*, кандидат исторических наук *М.Ю. Моруков*, кандидат исторических наук *И. В. Рыжова*

Рецензенты: доктор исторических наук *А. Н. Пономарев*, доктор исторических наук, профессор *А. К. Соколов*

Художник *Г. И. Метченко*

В сборнике использованы документы Центральных архивов города Москвы, Центрального государственного архива Московской области, Государственного архива Рязанской области, архива Научно-просветительского центра «Холокост»

Партизаны в битве за Москву. 1941 -1942:

П45 Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, М.Ю. Моруков, И.В. Рыжова. — М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство Патриот, 2008. - 607 с: ил.

ISBN 5-7030-0989-8

Настоящее издание призвано дать широкому кругу читателей представление об одной из героических и трагических страниц истории Москвы и Подмосковья - гитлеровской оккупации и борьбе в тылу врага в период Московской битвы 1941-1942 гг.

На страницах книги приводятся документы о подготовке гитлеровским руководством агрессии против СССР и о планировании массового террора на оккупированных территориях, документальные свидетельства преступлений нацистов на территории Московской, Калужской, Калининской, Рязанской и Тульской областей, показан огромный ущерб, нанесенный оккупантами. Особые разделы знакомят читателя с документами и воспоминаниями о боевой работе партизан и подпольщиков Подмосковья, о деятельности московских подпольных организаций, созданных на случай захвата врагом советской столицы, о героях-партизанах Подмосковья: Зое Космодемьянской, Вере Волошиной, Михаиле Гурьянове, Илье Кузине, Анатолии Шумове и других. Книга иллюстрирована редкими фотографиями военного времени. Серия «Отчизны верные сыны».

ББК 63.3 (2-2м) 622.5

© Главархив Москвы, 2008

© Издательство Патриот, 2008

© Метченко Г.И., художественное оформление, 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

В истории нашего Отечества не много найдется страниц горше и славней, чем первый год Великой Отечественной войны. Тогда под кровавым игом фашизма оказалась почти половина Подмосковья, а гитлеровцы разглядывали в бинокли силуэты Кремлевских башен и готовились к торжественному маршу по Красной площади. И тогда же в борьбе с врагом плечом к плечу с воинами Красной Армии и героями Московского народного ополчения на защиту родной столицы встали партизаны и подпольщики: мужчины и женщины, старики и подростки, люди всех возрастов и профессий. Как и в 1812 году, «дубина народной войны поднялась со всюю своею грозною и величественною силой» (Лев Толстой).

Условия для ведения партизанской войны на территории Подмосковья далеко не самые благоприятные. Нет здесь дремучих брянских и белорусских лесов, топких пинских болот. Ко времени немецкой оккупации на дворе стояла поздняя осень, когда облетала листва и даже лес не укрывал от противника. Кроме того, подмосковная земля была буквально нашпигована вражескими войсками. И тем не менее враг ни на минуту не чувствовал себя в безопасности. Партизаны и подпольщики минировали дороги, нападали на немецкие гарнизоны и воинские команды, добывали бесценные разведданные. Земля буквально горела под ногами оккупантов.

Главным штабом, кузницей кадров и арсеналом этой великой всенародной борьбы стала Москва. Многие тысячи сыновей и дочерей столицы по зову сердца и из любви к Отечеству вставали в ряды народных мстителей. Они уходили во вражеский тыл в составе легендарного ОМСБОНа и Московского истребительного полка, оставались за линией фронта вместе с бойцами истребительных батальонов, обрекали себя на подвиг безвестного героизма в подпольных организациях. Они, такие разные московские мальчишки и девчонки, вместе со своими подмосковными сверстниками, когда настал час испытаний, не колеблясь жертвовали своими жизнями во имя Победы. Имена Зои Космодемьянской, Веры Волошиной, Михаила Гурьянова, Анатолия Шумова и других партизан и подпольщиков Подмосковья вписаны золотыми буквами в историю великих ратных подвигов во славу Отчизны.

После разгрома немцев на рубежах советской столицы особые отряды, организации борьбы в тылу врага перенесли свою деятельность далеко за пределы Подмосковья. Наибольшую известность обрели отряды под командованием Дмитрия Медведева, действовавшие во вражеских тылах с сентября 1941 года по 1944 год включительно. Книги Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом» в художественно-документальной форме рассказали о героических подвигах советских партизан, в том числе об удивительной судьбе легендарного разведчика Николая Кузнецова. А ведь начинали «медведевцы» именно под Москвой.

Книга, которую вы держите в руках, на документальной основе воссоздает картину борьбы партизан и подпольщиков на земле Подмосковья. Страницы писем, воспоминаний, листы архивных документов вновь являют миру жестокость и преступность нацизма, благородство и величие духа тех, кто поднялся на борьбу за правое дело. Читайте эту книгу — и пусть навеки сохранится в ваших сердцах благодарная память о героях, отдавших свои жизни ради нас и нашего будущего.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска на огромном пространстве от Балтийского до Черного моря атаковали границы Советского Союза. Началась самая жестокая и разрушительная в истории нашей страны война. Заблаговременная подготовка, наличие большого опыта ведения войн и внезапность нападения позволили врагу в течение летних месяцев нанести поражение советским войскам в приграничных сражениях и глубоко вторгнуться на территорию СССР.

Нацистская оккупация в теории и на практике

Среди проблем истории этого тяжелейшего, начального этапа войны из поля зрения историков, по сути, выпал очень важный вопрос — осуществление германской армией жестокого оккупационного режима на захваченной советской земле. Обычно, когда речь заходит об оккупации, широкий круг читателей представляет себе зловещие фигуры эсэсовцев или лощеных, наглых чиновников, какими они изображены во множестве книг и художественных фильмов. Но эти созданные после войны образы отражают лишь часть реальности. Да, были и такие гауляйтеры и штурмбаннфюреры, были при них подлые бургомистры и полицейские уголовного вида. Для белорусов и украинцев именно таков был портрет оккупанта. Но для жителей Подмосковья, которым довелось хлебнуть лиха горькой осенью 1941 г., когда танковые клинья вермахта кровавым катком прошли по подмосковной земле, лицо оккупации по форме оказалось иным. Существенно иным, но все же не менее страшным, ибо античеловеческая сущность нацизма одинакова во всех проявлениях. И сегодня, вынося на суд читателей издание, где собраны документы и материалы о преступлениях нацистов и о борьбе советских людей во вражеском тылу в 1941-м и начале 1942 г., Главархив Москвы воскрешает трагические страницы прошлого, чтобы заклеить тех, кто избежал возмездия за свои преступления, оправдывая их обязанностью «выполнять приказы». «Пролог» издания показывает планы Гитлера и его приспешников в отношении народов СССР. Эти документы уже хорошо известны. Их содержание делает излишним пространные комментарии. Да и вина тех, кто подписывал эти людоедские директивы и планы, уже давно исчислена Международным военным трибуналом в Нюрнберге и взвешена петлей палача. Но и по сей день не редкость, когда те, кто, осуждая нацистскую партию, войска СС, коллаборационистов, забывают «отдать должное» германским вооруженным силам. К сожалению, в последние годы и в России появилось немало людей, поднимающих на щит «высокое полководческое искусство» и «рыцарские методы ведения войны» Гудериана, Манштейна, фон Бока, Клюге, Моделя и прочих. Чтобы блеск рыцарских крестов с дубовыми листьями, мечами и тому подобной мишурой не слепил глаз молодому поколению наших сограждан, предлагаем им ознакомиться с кратким экскурсом в теорию и практику военной оккупации по-немецки.

Когда июньским утром немецкие армии двинулись в свой «восточный поход», в их багаже, помимо зоологического антикоммунизма и лютого презрения к «недочеловекам», имелись до мелочей разработанные и опробованные в прежних кампаниях методы и средства управления захваченными землями. Традиции организации грабежа были заложены еще в Первую мировую войну. В своих мемуарах, вышедших в свет уже в 1919 г., бывший начальник штаба Восточного фронта, а затем первый генерал-квартирмейстер кайзеровской армии Эрих

Людендорф уделил вопросам управления завоеванными областями Белоруссии и Литвы гораздо больше места, нежели, например, описанию боевых действий на Салоникском, Палестинском и Месопотамском фронтах вместе взятых¹. А ведь это тот самый Людендорф, что шел рука об руку с Гитлером в день «пивного путча» 1923 г., отец теории «тотальной войны». Вдохновляемые напутствиями таких наставников, нацисты развили их идеи в подлинный «шедевр» администрирования.

С сентября 1939 по весну 1941 г. система управления оккупированными территориями строилась по следующему принципу. Высшая административная власть на завоеванных землях принадлежала лично верховному главнокомандующему, т.е. фюреру германской нации Адольфу Гитлеру. Но фактически властные полномочия сосредоточивались у генерал-квартирмейстера Главного командования сухопутных войск (ОКХ). Квартирмейстерская служба в германской армии ведала вопросами пополнения, снабжения, расквартирования войск, а также всеми вопросами военной администрации. Основным проводником политики военной оккупации в районе боевых действий являлись штабы армий как высших оперативных объединений сухопутных войск. Соответственно носителем исполнительной власти в этих районах являлся командующий армией. В его распоряжении находился специальный рабочий орган в виде обер-квартирмейстерского отдела штаба армии (в различное время эта служба носила разные наименования: квартирмейстерская группа, отдел тыла). В задачу отдела входило использование местных ресурсов для нужд войск (читай — грабеж) и обеспечение выполнения распоряжений командарма.

¹См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. 1914-1918 гг. М.; Минск, 2005. С. 184-204.

Для проведения линии командования «на местах» организовывалась сеть полевых комендатур, имевших в своем распоряжении войсковые части¹.

Начав подготовку агрессии против СССР, гитлеровцы на основе полученного опыта провели реорганизацию данной системы. Главным документом по этому вопросу стали «Особые указания по обеспечению, часть С», выпущенные в свет 13 апреля 1941 г. Для реализации плана «Барбаросса» были созданы три высших оперативно-стратегических объединения — группы армий. Их командующие получили высшую исполнительную власть в районе действий своих групп. Вертикаль военных властей получила следующий вид: штаб группы армий — штаб армии — штабы дивизий. (Армейский корпус в вермахте считался исключительно оперативной, а не военно-административной единицей.) Соответственно произошло разделение полномочий. Ранее под юрисдикцией военных властей оказывался район действий армий. Теперь зона, в которой высшую власть осуществляли военные чины, делилась на три части. Непосредственно в полосе глубиной 2-10 км от передовой линии вся власть принадлежала командирам дивизий. За порядок здесь отвечал офицер квартирмейстерской группы, которому подчинялись полевые комендатуры.

За прифронтовой полосой на глубину 20-50 км тянулся тыловой район армии. Здесь изменений практически не произошло. Обер-квартирмейстерский отдел курировал назначаемого командармом командующего армейским тыловым районом. В хозяйстве последнего находилась сеть районных комендатур, которые, в свою очередь, руководили местными и городскими (гарнизонными) комендатурами. Поддержание порядка в армейском тыловом районе осуществляли батальоны охраны порядка, а также специальные батальоны охраны тыла, предназначенные для обороны особо важных объектов, коммуникаций и т.д.².

Наконец, за тыловым армейским районом лежала территория тылового района группы армий. Ее глубина не была постоянной. В теории она могла достигать 200 км, но фактически зона ответственности командования групп армий была гораздо шире. Поэтому, когда гитлеровцы создали на территории СССР свои рейхскомиссариаты, т.е. административные районы, все оккупированные районы РСФСР, в том числе и Московской области, остались в непосредственном ведении военного командования. Таким образом, главной особенностью оккупационного режима в районах Московской, Калининской, Тульской, Рязанской областей был его исключительно военный характер. Все мероприятия проводились только силами вермахта, так что и вся ответственность за совершенные на этой территории чудовищные преступления всецело лежит на личном составе и командовании германской армии.

¹Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945 гг. М., 2002. С. 99-100.

²Там же. С 261-262.

Поскольку управление тыловым районом группы армий из-за его «растяжимости» было делом сложным, в этом звене нацисты предусмотрели ряд дополнительных мер. Задачи военной охраны лежали на специально созданном командовании тыловым районом группы армий. На пост командующего назначался генерал в ранге командира отдельного корпуса. В группе армий «Центр» эту должность занимал командир 102-го отдельного корпуса охраны тылового района генерал пехоты фон Шенкендорф. (Видимо, титулование его как командира корпуса вносило некую путаницу в управление войсками, а потому не прижилось: в большинстве документов он титулуется по своим функциональным обязанностям — как командующий тыловым районом.) Основной его задачей являлась охрана тыла от партизан и поддержание должного порядка среди населения. 173 охранных батальона для этого показалось мало, и главное командование сухопутных войск весной 1941 г. сформировало на базе пехотных дивизий третьей волны девять специальных охранных дивизий. Эти соединения были слабее своих пехотных прототипов, но были специально приспособлены для действий на неосвоенной местности. Группа армий «Центр» имела к 22 июня три таких соединения: 4-й армии были приданы 221-я и 286-я, а 9-й армии — 403-я охранные дивизии. Позднее из резерва Главного командования сухопутных войск (ОКХ) было получено еще не менее двух. Не остался в стороне и рейхсфюрер СС: по договоренности с Гиммлером в тыловой район группы армий «Центр» был направлен моторизованный полицейский полк, а каждая охранный дивизия получила «в довесок» по моторизованному батальону полиции¹. В войсках выполнение «политических» задач возлагалось на оперативные отряды тайной полевой полиции (ГФП). Такие подразделения выполняли первичную «очистку» захваченной местности от «нежелательных» элементов. Например, в Клину, Рогачеве и их окрестностях орудовал 703-й отряд. Наконец, немаловажную задачу составляло использование местных ресурсов, т.е. восстановление и пуск советских заводов и фабрик. Для этих целей в мае 1941 г. был сформирован штаб технических войск ОКХ. А на захваченную территорию двинулись технические отряды и батальоны (в октябре 1941 г. их было уже 24), которым предстояло восстановить и взять под охрану мало-мальски значимые коммунальные и военные предприятия.

Как же действовала эта система на практике? В захваченных населенных пунктах организовывались комендатуры. Военные коменданты (иногда сами, иногда по указанию свыше) создавали себе в помощь органы местного самоуправления и вспомогательные полицейские структуры. В селах назначались старосты, в

городах формировались городские управы во главе с бургомистрами. Задачей этих «властей» было неукоснительное исполнение приказов комендантов. Прежде всего, дело касалось контроля за местными жителями. Для этого оккупанты сразу старались организовать перепись населения и перерегистрацию удостоверений личности. В Смоленской и Калининской областях такая процедура началась с 1 сентября 1941 г., в Московской и Тульской — в октябре—ноябре. От жителей требовалось сдать паспорт с отметкой о прописке в управу.

¹ Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 107.

Через три-четыре дня либо выдавались новые удостоверения личности, либо (чаще всего) возвращался паспорт. В Калинин, Калуге и Клину действительными считались только советские документы. В зависимости от ретивости немцев и местных коллаборационистов в паспорт либо вписывались данные о настоящем месте проживания (Калинин), либо ставилось сокращение «ПП» «прописку прошел» и подпись (Калуга). В Старице и Тарусе документы возвращались без пометок. Чтобы контроль над населением не ослабевал, оккупанты организовали целую сеть легальной агентуры. Так, в городах за жителями обязаны были следить дворники, управдомы, коменданты домов, квартальные и участковые надзиратели. Обо всех незнакомых и подозрительных следовало тут же докладывать в комендатуру. Число таких «помощников» в Калинин превышало 1600 человек, в Калуге — 700 человек. В селах надзор осуществлял староста.

Вся жизнь в оккупации была обставлена правилами и запретами. Так, для передвижения из села в село или в город каждый человек обязан был иметь при себе пропуск от местных властей с очень коротким сроком действия, с точным указанием маршрута и времени передвижения. Всем прибывающим на ночлег в город или деревню приходилось регистрироваться у квартального надзирателя, коменданта или старосты, у которых до утра оставались их документы. Передвижение и даже появление на улицах было разрешено в селах с 6.00 до 17.00, в городах — с 8.00 до 16.00. Малейшее нарушение обычно каралось смертной казнью. К этому надо прибавить усиливавшуюся нервозность захватчиков. С самого начала оккупации патрули имели право открывать огонь без предупреждения по группам более трех человек или по тем, кто при приближении патрульных держал руки в карманах. Позже командование прямо предписывало расстреливать на месте всех, кто передвигается в ночное время, идет не по дороге или со стороны леса, а также оказывается вблизи расположения воинских частей¹. Пример — приказ по 290-й пехотной дивизии (4-я танковая группа): «Каждый штатский, который будет находиться после 11 декабря 1941 г. в каком-нибудь районе расположения дивизии, должен рассматриваться как партизан и подлежит расстрелу на месте»². Чем хуже приходилось немецким войскам на фронте, тем больше фашисты старались отыгаться на мирном населении. За примерами далеко ходить не надо: под рукой у любого исследователя имеется «Военный дневник» начальника штаба ОКХ Франца Гальдера. Запись от 27 ноября 1941 г. (под Москвой немцы еще пытаются продвигаться): «...наши войска слишком щадят местных жителей. Необходимо перейти к принудительным мероприятиям в отношении местных жителей»³. Из документов I части книги читатели могут увидеть, как фашисты «щадил» мирных жителей.

¹ Попов А.О. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 74-75

² Мюллер Н. Указ. соч. С. 153.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т 3. Кн. 2. М, 1971. С. 75, 140.

Дальше — больше. Запись о совещании в ставке от 20 декабря 1941 г. (вермахт уже вовсю «эластично обороняется» и «сокращает фронт»): «У пленных и местного населения безоговорочно отбирать зимнюю одежду. Оставляемые селения сжигать»¹. Разумеется, «самоснабжение» зимними вещами процветало и до разрешения свыше, но теперь оно приняло просто повальный характер. И с чисто немецкой пунктуальностью организовывалось сожжение селений. Так, приказ по 27-й танковой дивизии от 29 декабря 1941 г. гласил: «Арьергардам и тыловым отрядам производить: а) разрушение и поджог всех населенных пунктов. Использовать специальные команды для поджога деревень, лежащих в стороне от путей отступления; б) уничтожение наличных средств транспорта и имеющегося скота; в) уничтожение или приведение в негодность всех имеющихся продуктов»². Опубликованные в издании документы наглядно демонстрируют, что принесла нацистская оккупация жителям Подмосковья. Они делают тщетными все попытки замолчать преступления фашизма, в какую бы форму он ни рядился.

¹ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 140.

² Мюллер Н. Указ. соч. С. 153.

Из истории партизанской борьбы в Московской битве

В годы Великой Отечественной войны партизанское движение на временно оккупированной территории СССР являлось важным фактором, способствовавшим победе Советского Союза в борьбе против гитлеровской Германии. Историография этого движения насчитывает сотни монографий и справочных изданий, тысячи статей. В то же время изучение проблемы нельзя считать законченным. Более того, в 90-е гг. XX в. наметился новый всплеск интереса к истории и теории партизанской борьбы в годы войны. Работы ряда публицистов и историков, гальванизовавших нетрадиционные концепции происхождения войны и подготовки к ней основных стран-участниц, породили новую волну дискуссий. Применительно к проблемам партизанского движения наибольший интерес вызывают гипотезы об «упущенном шансе» СССР, т.е. о роли проводившихся в 1920-е и 1930-е гг. мероприятий по подготовке партизанской войны на возможных театрах военных действий и о причинах свертывания этой работы. В тесной связи с указанной проблемой находятся вопросы о причинах слабой эффективности и больших издержках партизанского движения в СССР в начале войны. Подготавливая издание документов и материалов, посвященное борьбе в тылу немецких войск на земле Подмосковья, составители считают полезным дать читателям краткое представление о некоторых спорных моментах истории партизанства и ознакомить их с некоторыми фактическими данными.

В чем же состоит причина споров и дискуссий о начальном этапе истории партизанского движения в годы войны? После войны и особенно в 90-е г. XX в. работы по истории партизанского движения, вышедшие из-под пера многих историков и мемуаристов, прочно вошла концепция, суть которой может быть выражена следующим образом.

Советский Союз имел неплохие традиции подготовки партизанской войны. Еще в 1921 г. М.В. Фрунзе сделал вывод о крайней важности для СССР заблаговременной подготовки к ведению партизанской войны с целью отражения империалистической агрессии. В соответствии с этим в конце 1920-х — середине 1930-х гг. в Советском Союзе была создана мощная и эффективная система подготовки кадров партизан и диверсантов, инфраструктура и система

базирования, разработаны технические средства, стратегические и оперативные планы, позволявшие развернуть крупномасштабные партизанские действия как в приграничных районах, так и за рубежом, в стратегическом тылу противника. Высокая эффективность данной системы была неоднократно подтверждена в ходе ряда специальных маневров 1930-1932 гг., а также путем успешной боевой деятельности подготовленных кадров в Испании, а затем и в годы Великой Отечественной войны. Однако в 1937-1939 гг. в результате массовых репрессий были уничтожены все руководящие кадры, заброшены и признаны дефектными оперативные планы развертывания партизанской войны, ликвидирована система баз и тайников. В результате при нападении нацистской Германии на СССР в тылу вермахта не удалось немедленно развернуть мощное партизанское движение, способное измотать и обессилить войска противника, что надолго затянуло войну и сделало ее начальный период крайне неудачным для нашей страны.

При анализе данной концепции следует особо выделить ряд ключевых пунктов. Во-первых, встает вопрос о реальном значении и содержании идей М.В. Фрунзе, легших в ее основу. Во-вторых, следует рассмотреть весь комплекс подготовительных мер к партизанской борьбе в динамике и в конце концов попытаться установить истинные причины отказа от применения данной системы в боевой обстановке.

Отправной точкой подготовки СССР к партизанской борьбе все авторы единодушно считают середину 1921 г., когда в первом номере журнала «Армия и революция» появилась статья М.В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия». При упоминании данной статьи обычно цитируется абзац седьмого раздела, где речь идет о партизанских действиях¹. Но цитирование только этого абзаца не совсем правильно.

¹ См.: *Боярский В.И.* Партизаны и армия. Минск, 2001. С. 50-51; *Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. Кн. 2. М., 1999. С. 113-114.

Если откроем первый том «Собрания сочинений» М.В. Фрунзе или «Сборник избранных произведений», то обнаружим непосредственную связь содержания седьмого раздела статьи с последним абзацем раздела шестого. Составители вынуждены принести читателю извинения за столь длинную цитату, но сделать это мы считаем необходимым.

«Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы, несомненно, будем слабее наших противников. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства должны искать путей, могущих хотя бы до известной степени уравновесить эту не выгодную для нас сторону. (Конец шестого раздела. — *Сост.*)

Некоторые средства для этого имеются. *Первым и важнейшим* из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможности отступить на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы и пр., представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т.е. вне поля боя...

Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий...»¹ Далее М.В. Фрунзе говорит о последствиях

применения партизанской тактики против армии противника. В заключение он считает нужным еще раз напомнить: «...обязательным условием плодотворности этой идеи "малой войны", повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи "малой войны" в ее применении к войнам с противником, технически стоящим выше нас»².

В дальнейшем М.В. Фрунзе упоминал идею «малой войны» еще дважды. Первый раз — в статье «К реорганизации французской армии», опубликованной в четвертом и пятом номерах журнала «Армия и революция» за 1921 г. Касаясь возможностей боевых действий против моторизованной и мощной в техническом отношении французской армии, Фрунзе отмечал, что «действиями в тылу противника, организацией в широком масштабе малой партизанской войны в случае захвата им нашей территории, смелыми налетами небольших, но крепких и стойких отрядов на громоздкие обозы и т.п. можно достичь чрезвычайно крупных результатов». Вновь к идее партизанских действий М.В. Фрунзе вернулся в своем выступлении перед командным и политическим составом войск Украины и Крыма 1 марта 1922 г. И в этом выступлении необходимость развертывания партизанских действий вновь была объяснена сложностью противостояния превосходящему в технике противнику³. Из приведенных цитат становится ясным, что подготовка к партизанской войне в планах Фрунзе играла роль лишь вспомогательного средства на случай войны Красной Армии образца 1921-1922 гг. с крупной европейской державой.

¹ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т.1. М.; Л., 1929. С. 223-224.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 407, 412.

Признание возможности потери своей территории, упор на маневренные и иррегулярные действия — следствие слабости Советской России, не способной на тот момент выстоять в крупном конфликте, вероятность которого, по словам самого Фрунзе, не исключалась в самом ближайшем будущем¹. В условиях когда армия не выдерживает прямого столкновения с противником и не может защитить территорию от оккупации, последним доводом обороны становится маневренно-партизанская война².

¹ Фрунзе М.В. Указ. соч. Т.1. С. 222-223, 246-248, 250 и др.

² См.: Э. Гевара (Че). Партизанская война. М., 1961. С. 131.

Такого рода стратегия оправдывает себя в эпоху революции, когда революционная партия опирается главным образом на своих сторонников и не склонна ввязываться в бой на уничтожение за сохранение территории. Возможен такой способ действий и для малых стран, чьи вооруженные силы несоизмеримо слабее сил потенциального агрессора. В этом случае задачей армии и партизан является сковывание противника, чтобы дать правительству продержаться столько, сколько это будет нужно для поиска союзников либо для вступления в действие союзных договоров с более сильными державами. Но для крупного индустриального государства с плотно заселенной и освоенной территорией, на которой могут быть расположены важные части его промышленного или сельскохозяйственного потенциала, государства, располагающего сильной современной армией, оставление этой территории противнику выглядит абсурдным. В 1921 г. у Советской страны, лежащей в послевоенной разрухе, сил

для организации мощной армии не было. Соответственно разрабатывались и методы ведения войны. Нет сил остановить агрессора в приграничном сражении — упор делается на маневренные действия, на готовность сдать территорию, чтобы занять выгодную позицию. Нет средств борьбы с техникой — предлагается переход к ночным боям и партизанским действиям. Нет возможности выиграть войну на поле сражения — усилия направляются на подрыв государства противника, на разжигание революционных выступлений. Из военной и экономической отсталости страны родилась доктрина революционной наступательной войны, в которой Красная Армия служит «коллективным организатором» революции во вражеском лагере. Но сохранялось ли такое положение в 1930-е гг.? Ведь и сам М.В. Фрунзе неоднократно подчеркивал необходимость приоритетного развития технической и экономической базы войны, т.е. ратовал за скорейшую перестройку РККА. И если в 1920-е гг. в силу общей экономической отсталости страны плоды усилий были ограничены, то как изменилось положение ко второй половине 1930-х гг., когда СССР превратился в державу, способную серийно производить все виды промышленной продукции, известные на то время человечеству?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос очевиден. Уже к началу 1938 г. Красная Армия насчитывала 1 млн. 513,4 тыс. человек по штату мирного времени, имела на вооружении 11 300 линейных танков (больше, чем кто-либо в мире), а к 1941 г. танковый парк РККА превысил 22 тыс. машин. На вооружении к 1 января 1941 г. состояло свыше 67 тыс. орудий и минометов (не считая 50-мм)¹. Имея одну из сильнейших армий мира, с конца 1939 г. многократно увеличившуюся благодаря всеобщей воинской повинности, советское правительство не могло не изменить систему приоритетов в военной политике. Именно регулярная армия должна была стать основным средством обеспечения обороны СССР и реализации политических планов государственного руководства. В такой обстановке оборонительные, в своей сущности, меры по подготовке партизанской войны неизбежно должны были отступить на второй план.

Каких же успехов смог достичь СССР в работе «Д», как официально назывался комплекс мер по подготовке партизанских действий? Работа в этом направлении началась с 1924 г. и велась по линии трех ведомств: ОГПУ, военной разведки и Коминтерна. Между организациями существовало строгое разделение труда. Непосредственно разработкой планов, подготовкой кадров и созданием инфраструктуры для собственно партизанского движения занималась РККА. Подготовку диверсионной и подпольной работы взяло на себя ОГПУ, а Коминтерн сосредоточился на всесторонней подготовке членов иностранных компартий². В Белорусском военном округе обучение велось в специально организованных школах, для координации учебной деятельности под эгидой ОГПУ создали Специальное бюро. На Украине подготовку кадров осуществляло по меньшей мере шесть спецшкол: школы ОГПУ в Харькове, Киеве (два учебных пункта ГПУ Юго-Западной железной дороги для подготовки диверсантов на транспорте), Купянске (школа готовила и зарубежные кадры), а также школы IV отдела штаба Украинского военного округа в Киеве и Одессе³. В Москве работала спецшкола Коминтерна, начальником которой был Кароль Сверчевский. Обучали преимущественно членов зарубежных компартий. Среди талантливых учеников этого учебного заведения выделялись испанцы Энрике Листер и Хуан Модесто. Для повышения квалификации преподавательский и инструкторский состав школ привлекался к боевой работе, в том числе и за рубежом⁴.

Разведуправление РККА занималось подготовкой партизанских отрядов. В Белоруссии к началу 1930-х гг. сформировали шесть отрядов силой до батальона каждый (Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский, Полоцкий). Для нужд этих подразделений в тайники было заложено до 50 тыс.(!) винтовок, 150

ручных пулеметов, большое количество боеприпасов и взрывчатых веществ⁵.

¹ Ленский А.Г. Сухопутные силы РККА в предвоенные годы: Справочник. СПб., 2000. С. 16, 19, 40-51.

² Боярский В.И. Указ. соч. С. 51.

³ Старинов И.Г. Указ. соч. С. 114-117.

⁴ Сверчевская А., Сверчевская З., Сверчевская М. Солдат трех армий. Кароль Сверчевский (воспоминания об отце). М., 1993. С. 23.

⁵ Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. М., 1972. С. 202.

На Украине были готовы перейти к партизанской борьбе отряды численностью свыше 3 тыс. человек, плюс к тому только в полосе Юго-Западной железной дороги было подготовлено к действиям свыше 60 партизанских диверсионных групп¹.

Уровень подготовки партизан и диверсантов неоднократно проверялся на специально организуемых учениях. В 1930 и 1932 гг. крупномасштабные маневры с участием партизанских формирований прошли под Москвой (так называемые Бронницкие маневры) и Ленинградом. В маневрах принимали участие части дивизии Особого назначения ОГПУ, Высшей пограничной школы и т.д. В ходе выполнения учебной задачи проводилась отработка как диверсионных действий, так и боевых операций крупными отрядами².

Возникает вопрос о причинах отказа от столь, казалось бы, хорошо рекомендовавшей себя системы. Бывшие партизаны абсолютно уверены, что при ее сохранении они были способны сорвать наступательные действия вермахта в 1941 г. Однако утверждения такого рода не подкрепляются ничем, кроме глубокой убежденности их авторов в своей правоте и экстраполяции на примеры Великой Отечественной. Ведь результаты Бронницких маневров 1930 г. и Ленинградских маневров 1932 г. не были однозначными. В частности, такие известные теоретики и практики партизанской войны, как И.Г. Старинов, В.И. Андрианов и С.А. Ваупшасов, признают, что партизанам на маневрах не удавалось дезорганизовать ближайший тыл войск противника: успеха добивались только группы, действующие в глубоком тылу на слабо охраняемых коммуникациях. Но ведь по плану использования основная масса партизанских баз и отрядов развертывалась к западу от линии укрепрайонов, а максимальная глубина их действий не должна была превышать 200 км³. С учетом особенностей построения ударных армейских и фронтовых группировок вермахта от трети до половины партизан обрекалось на действия в боевых порядках наступающего противника либо в районах расположения его оперативных резервов. А ведь еще Денис Давыдов предупреждал, что «партизанская война существовать не может, когда неприятельская армия располагается на своем поле запасов»⁴. В период Московской битвы в Московской, Калининской, Тульской областях создание сильных партизанских отрядов оказалось невозможным именно из-за высокой концентрации на их территории немецких войск⁵.

¹ Старинов И.Г. Указ. соч. С. 116-117.

² Ваупшасов С.А. Указ. соч. С. 202; Андрианов В. Николай Архипович Прокопюк / ЧекистьССБ. М., 1987. С. 329-331.

³ Боярский В.И. Указ. соч. С. 54.

⁴ Давыдов Д.В. О партизанской войне // Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий 1812г.; Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985. С. 169.

⁵ Пережогин В.А. Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 59.

Можно также вспомнить, что с переходом армии на всеобщую воинскую повинность подготовленные кадры должны были уйти на пополнение регулярных

частей. Кроме того, следует иметь в виду, что основанная на наличии мощной регулярной армии военная доктрина предусматривала отражение удара противника силами этой армии в приграничной полосе с последующим переходом в наступление и что для разведывательно-диверсионных и партизанских действий предусматривались действия воздушно-десантных войск. Наконец, с присоединением западных областей Белоруссии и Украины осенью 1939 г. вся подготовленная инфраструктура оказывалась в глубоком тылу, а на новом месте все следовало начинать заново. Можно с уверенностью заключить, что попытки доказать ошибочность прекращения подготовки к партизанской войне в СССР накануне 1939 г., предпринимаемые некоторыми исследователями и мемуаристами, нуждаются в более солидном, документальном в том числе, обосновании.

В то же время до сих пор очень мало места в исторической литературе занимает реальная история всенародной борьбы за линией фронта осенью 1941-го — весной 1942 года.

Организатором и вдохновителем партизанской борьбы с первых дней войны являлась Коммунистическая партия. Уже директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. намечала программу развертывания действий партизанских отрядов на оккупированной территории. В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин обнародовал основные положения директивы от 29 июня и обратился с призывом придать войне против фашизма всенародный характер. Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», принятое 18 июля 1941 г., содержало конкретные указания о подготовке кадров и развертывании сети партийного подполья, об организации, комплектовании и вооружении партизанских отрядов, определяло цели и задачи партизанского движения. К концу 1941 г. на оккупированной территории действовало 18 подпольных обкомов, свыше 260 окружкомов, горкомов и райкомов партии, в которых насчитывалось 65,5 тыс. коммунистов. Во главе борьбы встали 565 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии, 104 секретаря обкомов, горкомов и райкомов комсомола. В прифронтовых районах создавались областные штабы партизанского движения. В июле 1941 г., когда после начала Смоленского сражения возникла угроза вторжения германских войск в Подмоскowie, был сформирован штаб партизанского движения Московской области, который возглавил секретарь МК и МГК ВКП(б) М.В. Яковлев.

Вооруженную борьбу с оккупантами в тяжелую пору 1941 г. вели 2 тыс. партизанских отрядов общей численностью около 90 тыс. бойцов. Около 90% партизанских отрядов и групп, действовавших в тылу противника в этот период, было подготовлено и управлялось органами НКВД — НКГБ¹.

¹ Боярский В.И. Указ. соч. С. 91.

Накануне нападения фашистской Германии на СССР НКВД располагал значительным штатом подготовленных специалистов, имевших опыт подпольно-конспиративной и разведывательно-диверсионной работы, а также необходимыми техническими средствами. В ведении НКВД находились войска пограничной охраны, по своей боевой подготовке наиболее приспособленные к ведению боевых действий в отрыве от своих главных сил. С первых дней войны руководство НКВД принимало все меры для развертывания борьбы в тылу врага. Уже 5 июля 1941 г. при наркоме внутренних дел была создана Особая группа по организации разведывательно-диверсионной и террористической деятельности на занятых противником территориях. Начальником Особой группы был назначен старший майор госбезопасности П.А. Судоплатов. Приказом от 3 октября 1941 г. Особая группа была преобразована во 2-й отдел НКВД, а с 18 января 1942 г. на базе отдела было развернуто 4-е управление НКВД с теми же функциями. Начальником

управления был назначен П.А. Судоплатов, заместителями — старший майор госбезопасности Н.Д. Мельников и майор госбезопасности В.А. Какучая¹. Первоначально в составе Особой группы находился также штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов. С выделением штаба в самостоятельное подразделение в августе 1941 г. его возглавил генерал-майор Г.А. Петров.

Чтобы подготовить специалистов для партизанского движения, НКВД и НКГБ создали школы особого назначения при 4-м отделе, спецшколы региональных ШПД, а также учебные центры на фронтах. Так, уже в июле 1941 г. начался набор в специальную школу УНКВД по Москве и Московской области, которая готовила радистов и подрывников для партизанских отрядов. В начале осени 1941 г. в Москве были развернуты также несколько учебных центров НКВД — НКГБ СССР, где добровольцы из числа комсомольцев проходили сокращенный курс партизанских наук. Первоначально курс обучения рассчитывался на две недели, но в тяжелые дни октября — ноября 1941 г. программу нередко сокращали до недели. Несмотря на трудности и тяжелые потери среди выпускников, за время работы эти учебные заведения, практически полностью укомплектованные преподавательским составом из числа пограничников и чекистов, подготовили и направили в тыл врага более 30 тыс. подрывников, разведчиков, радистов, политработников, организаторов подполья.

В первый период войны органы НКВД активно вели самостоятельную боевую деятельность в тылу немецко-фашистских войск. При Особой группе 27 июня 1941 г. была сформирована воинская часть специального назначения. Ее командиром стал комбриг П.М. Богданов, начальником штаба — подполковник В.В. Гріднев. После создания 2-го отдела НКВД войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), состоявшую из семи батальонов. Командиром бригады стал М.Ф. Орлов. Бригада комплектовалась из числа сотрудников НКВД, спортсменов общества «Динамо», студентов московских вузов. Отдельный батальон составили добровольцы-антифашисты, пришедшие из структур Коминтерна. Задачами ОМСБОН являлись сбор разведанных и диверсионно-террористическая деятельность. Заброска спецгрупп и отрядов ОМСБОН в тыл противника началась летом 1941 г.

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 149, 151-152.

Командирами первых отрядов, ушедших в занятые врагом районы Смоленской области в августе 1941 г., были Д.Н. Медведев и А.К. Флегонтов. С зимы 1941/42 г. по июль 1942 г. было заброшено 20 отрядов и несколько десятков групп ОМСБОНа в оккупированные области страны. Для переброски спецгрупп по воздуху в декабре 1941 г. ОМСБОНу было придано отдельное авиазвено. Всего в 1941-1945 гг. в тыл противника было переброшено 212 спецотрядов и спецгрупп общей численностью 7316 человек. В результате проведенных операций уничтожено 1415 эшелонов с живой силой и техникой противника, подорвано 5 бронепоездов, взорвано 335 железнодорожных и автомобильных мостов, уничтожено 145 танков и бронемашин, сбит 51 самолет. Выведено из строя 240 км специальных линий связи между ставкой Гитлера и войсками. Истреблено 136 тыс. солдат и офицеров противника и 87 крупных военных и гражданских деятелей фашистской Германии¹.

Значительную роль в борьбе в тылу врага сыграли действия истребительных батальонов НКВД, созданных на основании постановления СНК СССР «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по борьбе с диверсантами

и парашютистами» от 24 июня 1941 г., а также приказа НКВД «О мероприятиях по борьбе с диверсантами и парашютными десантами противника в прифронтовой полосе» от 25 июня 1941 г. Истребительные батальоны предназначались для охраны важнейших промышленных предприятий и учреждений, борьбы с диверсантами, парашютистами, дезертирами и дезорганизаторами тыла, охраны общественного порядка на территории прифронтовых областей. Личный состав батальонов комплектовали из представителей партийного и советского актива и комсомольцев, не подлежащих призыву в Красную Армию, но способных владеть оружием. Численность батальонов составляла 100-200 человек, на вооружении находилось легкое стрелковое оружие и гранаты. В ряде областей истребительные батальоны объединялись в истребительные полки. Подготовкой и руководством действиями батальонов занимались штабы при местных органах НКВД, сотрудники которых назначались командирами. Всего было создано около 2 тыс. истребительных батальонов. В их рядах в 1941 г. сражалось 328 тыс. бойцов. Уже 15 июля 1941 г. в Подмосковье насчитывалось 87 батальонов, в рядах которых состояла 41 тыс. бойцов. А всего в Московской области действовало 112 истребительных батальонов. Именно такие батальоны стали основой для формирования партизанских отрядов. В Московской области «истребители» проходили специальную подготовку к действиям во вражеском тылу. Так, в сентябре 1941 г. областной штаб истребительных батальонов провел 15-дневный семинар с командирами подразделений, а также организовал для бойцов краткосрочные ночные курсы.

¹ См.: Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: Хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас. Минск, 1998. С. 114-164.

В итоге этой «учебной сессии» удалось подготовить 500 снайперов, 410 подрывников, свыше 1,5 тыс. истребителей танков. Около 100 бойцов стали инструкторами рукопашного боя. Всего же из бойцов истребительных батальонов и сотрудников НКВД в области был сформирован 41 партизанский отряд, 377 истребительно-диверсионных групп и Московский истребительный мотострелковый полк, созданный в начале октября из сотрудников Московской милиции, истребителей и бойцов внутренних войск. Командиром полка стал А.Я. Махоньков, комиссаром — А.М. Запевалин. (С января 1942 г. в командование полком вступил майор С.Я. Сазонов.) В партизанских отрядах сражалось около 15 тыс. человек, в составе истребительного полка — 1914 человек. Бойцы полка действовали в тылу врага мелкими истребительно-диверсионными группами. Первые группы ушли через фронт под Рузу, Дорохово и Можайск 13-17 ноября 1941 г. В рейдах особенно отличились командиры групп: М.В. Афанасьев, Г.С. Гладков, И.Ф. Козлов, П.И. Полушкин. С 13 ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. линию фронта перешли 70 истребительно-диверсионных групп. Масштаб боевой работы полка резко возрос после прорыва Красной Армией рубежа немецкой обороны по рекам Руза и Лама. Так, только 8 января в тыл гитлеровцев на можайском направлении была заброшена 31 группа в составе более 1300 бойцов. А всего за время битвы за столицу истребительный полк перебросил в тыл врага 135 истребительно-диверсионных групп (более 4 тыс. бойцов). По далеко не полным данным, ими было уничтожено 3761 солдат и офицер противника, 12 танков, 96 автомашин.

Наконец, собственную партизанскую войну в тылу немецких войск вел Генеральный штаб РККА. С первых дней войны разведуправление Генштаба организовало на фронтах оперативные спецгруппы, занимавшиеся подбором и заброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов.

Оперативной спецгруппой (с августа 1941 г. — Оперативный диверсионный пункт) Западного фронта командовал майор А.К. Спрогис. В рядах его диверсионных групп воевало более 2 тыс. москвичей, в том числе Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. За год существования Оперативный диверсионный пункт, получивший в марте 1942 г. наименование в/ч 9903, подготовил и перебросил за линию фронта 115 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 2862 человека.

Поле боя — Москва

30 сентября 1941 г. немецкие войска начали «последнее» наступление своей «Восточной кампании» — операцию «Тайфун», имевшую главной целью охват и взятие Москвы. Над столицей нашей Родины нависла угроза непосредственного вторжения противника. С 19 октября 1941 г. в Москве было объявлено осадное положение. Защитники города изготвились встретить врага на подступах к Москве, на окраинах и улицах столицы. Но даже гарнизон Кремля не был последней линией, последним резервом Московской зоны обороны. Советские руководители учли и самый крайний, самый худший вариант. В случае захвата города гитлеровскими войсками их ждала встреча с московскими подпольщиками.

История московского подполья — один из наименее исследованных моментов истории Великой Отечественной войны. Предлагаемые вниманию читателей документы из архивов партийных организаций и спецслужб призваны дать некоторое представление о событиях и героях той, к счастью, не начавшейся тайной войны, где полем боя могла быть Москва.

Прежде всего, подпольщики должны были испортить фашистам все удовольствие от захвата столицы большевиков. На плечи чекистов и членов партийных подпольных организаций легла тяжелая, но ответственная задача — минировать и при необходимости уничтожить важнейшие объекты города: мосты, крупнейшие предприятия и здания. К взрыву готовились все технические сооружения и коммуникации Кремля. 8 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил список объектов, подлежащих уничтожению. В каждом районе были образованы специальные «тройки», в задачу которых входили подготовка (завоз и закладка ВВ) и проведение в жизнь операции по подрыву и поджогу объектов. Для руководства разрушительной работой в масштабе города была образована «пятерка» в составе руководителей органов НКВД и партийной организации.

Помимо подрыва значительного количества стратегических объектов непосредственно в момент занятия города врагом, органы государственной безопасности подготовили минирование некоторых особо важных зданий радиоуправляемыми фугасами особой мощности. Такие «адские машины» готовились для мест, где фашистское командование могло устроить парады, банкеты и тому подобные торжественные мероприятия при большом скоплении высоких чинов. Мощные заряды были заложены в здании Дома правительства, в храме Василия Блаженного и Елоховском соборе, в гостиницах «Метрополь» и «Националь». Применение подобных устройств в Харькове и Киеве дало большой эффект и породило у германского командования паническую фугасобоязнь. На тот случай, если нацистские чины не решатся занять оставленные для них «дома с начинкой», готовилась особая программа действий.

Создание разведывательных и диверсионных групп, комплектование материально-технической базы подполья началось в августе — сентябре 1941 г. Работа велась в тесном контакте органами государственной безопасности и Московскими городскими комитетами партии и комсомола. Руководили подпольной

работой специалисты Особой группы (2-го отдела) во главе с П.А. Судоплатовым. Всего чекистское подполье столицы насчитывало 243 человека, в том числе 47 кадровых сотрудников НКВД — НКГБ. К борьбе готовилось 20 независимых боевых групп во главе с резидентами, а также малые автономные группы и агенты-одиночки. Наблюдалось строгое разделение труда. Большие группы имели широкий круг заданий диверсионно-террористического плана, в то время как малые группы и агенты специализировались на разведывательных акциях. Для нужд подполья только Особая группа располагала 59 складами с оружием и боеприпасами. Чекистское подполье имело 21 переносную и 6 стационарных раций, 19 явочных квартир, часть из которых была приспособлена для управления системами минирования, а также сеть явочных пунктов на мелких предприятиях.

Среди тех, кто выразил готовность остаться в Москве для подпольной борьбы, оказались самые разные люди. Были кадровые чекисты-ветераны, вроде командира группы «Ивана» — Н.А. Жиделева, работавшего еще с Ф.Э. Дзержинским, были партизаны времен Гражданской войны, такие как П. Седиков, командир группы «Дальневосточники». Со специальным заданием на случай, если фюрер Третьего рейха вздумает посетить покоренную Москву, остался в городе композитор Л. К. Книппер. В составе группы «Сергея» имелись даже представители оригинального жанра: мастер художественного свиста (остаётся лишь догадываться, чем должно было закончиться для немецких офицеров выступление этого виртуоза) и женщина, мастерски жонглирующая ручными гранатами, закамуфлированными под всяческие безобидные вещицы. В рядах боевых и разведывательных групп плечом к плечу стояли рабочие и артисты, ученые и священники, бывшие уголовники и белогвардейские офицеры. Все они были легализованы, снабжены необходимыми документами в зависимости от своей легендируемой или подлинной биографии. Они могли оказаться владельцами кустарных мастерских, сторожами, официантами, рабочими коммунальных служб и городского транспорта. Многие были из «бывших» и «обиженных советской властью». Они вполне могли рассчитывать на благосклонность оккупантов и устройство в их учреждения.

В условиях осажденного города подпольщикам приходилось вести двойную жизнь, чтобы не раскрыть свою миссию. При этом необходимо было учиться искусству подпольной борьбы в условиях противодействия вражеской контрразведки, разрабатывать новые методы связи, осваивать спецтехнику, а попутно практиковаться, выявляя настроение москвичей на предприятиях и в учреждениях, в магазинах, больницах и на улицах. Прибавим к этому величайшее нервное напряжение, недоедание, опасности от бомбежек и многое другое. Воистину велик был подвиг самопожертвования этих людей, большинство из которых так и остались известными нам лишь по кратким оперативным псевдонимам. И лучше всего расскажут о них документы московского подполья.

Родина высоко оценила заслуги советских партизан: 127 тыс. человек были награждены медалью «Партизан Отечественной войны» 1-й и 2-й степеней, 184 тыс. человек — другими орденами и медалями СССР, 249 человек удостоены звания Герой Советского Союза. И среди них немалую долю составляли москвичи: бойцы истребительных батальонов и ОМСБОНа, сотрудники НКВД и НКГБ, воины-пограничники. Золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны вписаны имена Д.Н. Медведева, А.К. Флегонтова, В.А. Карасева, К.Д. Карицкого, С.И. Солнцева, И.Н. Кузина, В. Волошиной, М.А. Гурьянова, З.А. Космодемьянской, Н.И. Кузнецова и многих других.

Настоящее издание призвано дать широкому кругу читателей ясное представление об этих героических и трагических страницах истории Москвы и Подмосковья¹.

В «Прологе» («Drang nach Osten») приводятся документы о подготовке гитлеровским руководством агрессии против СССР и о планировании массового террора на оккупированных территориях.

В части I («Влача кровавый след...») приведены документальные свидетельства преступлений нацистов на территории Московской, Калужской, Калининской, Рязанской и Тульской областей, показан огромный ущерб, нанесенный оккупантами.

II и III части («Этих дней не смолкнет слава» и «Бойцы вспоминают минувшие дни») знакомят читателя с документами и воспоминаниями о боевой работе партизан и подпольщиков Москвы и Подмосковья и мемуарами ее организаторов.

Часть IV («Подполье — которое было и которого не было») подробно рассказывает об одной из малоизвестных страниц истории войны — деятельности московских подпольных организаций, созданных на случай захвата врагом советской столицы.

V часть сборника («Герои-партизаны Подмосковья») посвящена рассказу о героях-партизанах Подмосковья: Зое Космодемьянской, Вере Волошиной, Михаиле Гурьянове, Илье Кузине, Анатолии Шумове и других.

В «Эпилоге» («Враг жестоко просчитался») помещен приказ народного комиссара обороны СССР от 23 февраля 1942 г., констатирующий срыв германских планов войны и подводящий символический итог боевым делам народных мстителей и подпольщиков Подмосковья.

Сборник завершается документальными приложениями, призванными дополнить и прояснить некоторые из затронутых в книге сюжетов.

Документы внутри разделов расположены в хронологической и хронологически-тематической последовательности. Тексты воспоминаний и записи бесед размещены исходя из даты описываемых событий.

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с «Правилами изданий исторических документов» (1990). Орфографические ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Недостающие элементы текста восстановлены в квадратных скобках. Часть документов дается в извлечении. Место купюр обозначается отточием в квадратных скобках.

Научно-справочный аппарат издания включает в себя примечания, перечень публикуемых документов, именной указатель и список сокращений.

¹ Книга продолжает «большую» военную серию изданий Главархива Москвы: «Москва военная. 1941-1945: Мемуары и архивные документы» (М., 1995), «Москва послевоенная. 1945-1947: Архивные документы и материалы» (М., 2000), «Москва прифронтовая. 1941-1942: Архивные документы и материалы» (М., 2001).